

Г.Р. Добрава
Санкт-Петербург

Детская речь: новый взгляд на известные проблемы

Раздел языкознания, изучающий детскую речь, в последние годы все чаще называют онтолингвистикой. С одной стороны, детскую речь в нашей стране изучают уже достаточно давно: вспомним хотя бы «От двух до пяти» К.И. Чуковского [Чуковский 1955] или «Вопросы изучения детской речи» А.Н. Гвоздева [Гвоздев 1961]. С другой стороны, нельзя не признать, что массовый интерес исследователей к последовательному изучению речи детей возник лишь около 20-25 лет назад (специально посвященные изучению детской речи диссертационные докторские исследования Н.И. Лепской [Лепская 1989], С.Н. Цейтлин [Цейтлин 1989], А.М. Шахнаровича [Шахнарович 1985] и др.). Поэтому в целом следует признать, что онтолингвистика – наука молодая.

За прошедшие десятилетия онтолингвистика не только накопила обширный исследовательский материал, не только обогатила имеющиеся в «общей» лингвистике научные представления, но и сформировалась в самостоятельный раздел науки, привлекающий к себе внимание различных ученых, в том числе – самых известных. Например, В.Б. Касевич в 2009 г. даже опубликовал статью под названием «Онтолингвистика как центральный раздел языкознания» [Касевич 2009]. Наверное, можно спорить с этой формулировкой либо доказывать, что она возникла «в пылу полемики». Однако более продуктивным представляется не обсуждать то, насколько преувеличено (или не преувеличено) истинное место онтолингвистики в ряду других разделов языкознания, а фиксировать тот факт, что самые серьезные отечественные ученые отводят онтолингвистике весьма существенное (скажем более осторожно) место в ряду наук о языке.

Как это чаще всего и бывает в молодых науках, в онтолингвистике разные проблемы изучены неодинаково: есть достаточно хорошо изученные вопросы, есть – относительно изученные, а есть и такие, которые еще только ждут своих исследователей. Например, если говорить об онтолингвистике отечест-

венной, то относительно хорошо изучено детское слово- и формообразование (упомянем, например, такие известные труды, как [Цейтлин 1989] [Юрьева 1983]). Хуже изучен детский синтаксис: если еще можно вспомнить работы по начальному детскому синтаксису (например, [Базжина 1989] или [Еливанова 2004]), то какие существуют исследования, специально посвященные синтаксису, например, детей 5-6 лет?

Вместе с тем, как представляется, основные «белые пятна» онтолингвистики относятся даже не к каким-то отдельным лакунам в изучении онтогенеза тех или иных языковых уровней: преодоление такого рода «неизученности» отдельных областей – вопрос лишь времени. Для этого преодоления требуется лишь «количественное» накопление трудов исследователей. Никаких «качественных» изменений в подходах к изучению детской речи такие труды не потребуют.

Между тем в последние годы в отечественной онтолингвистике все чаще ставится вопрос о том, что, наряду со ставшим уже традиционным подходом к изучению речи детей, не менее важным становится и другой подход – такой, который ставит в центр внимания не проблемы выяснения того, что является общим (либо универсальным) в речи детей, а проблемы выявления, напротив, индивидуальных («дифференциальных») особенностей детской речи. Полагаем, что теперь, когда (в основном, конечно) общие тенденции речевого онтогенеза уже изучены, на первый план выдвигается проблема вариативности речевого развития.

В последние годы проблемам вариативности речевого онтогенеза уделяют внимание различные исследователи. Выходят даже сборники научных статей, специально посвященные данной проблеме (см., например [Проблемы... 2004]).

Можно ставить вопрос о том, как именовать эти различия, обусловленные вариативностью речевого развития детей. И.Г. Овчинникова [Овчинникова 2004], например, те различия, которые обусловлены различием стратегий, или стилей, вхождения в язык, т.е. тем, принадлежит ли данный ребенок к рефе-

ренциальному или же к экспрессивному типу¹, – относит к индивидуальным различиям. Говоря об индивидуальных различиях, упоминают и о тех, которые зависят от пола ребенка («гендерные индивидуальные различия») и от социокультурного статуса семьи. Нам неоднократно приходилось писать о существующих противоречиях в использовании термина «индивидуальные различия», и ранее мы предлагали различать индивидуальные различия в широком смысле слова и индивидуальные различия в узком смысле слова (см., например, [Доброва 2007]): под первыми мы подразумевали обусловленные типологическими, гендерными, социокультурными и т.п. факторами, под вторыми – мелкие, частные. В последние же годы мы пришли к выводу, что такого «мягкого» разграничения термина «индивидуальные особенности» недостаточно. Теперь мы полагаем, что за всеми различиями речи детей, обусловленными их принадлежностью к той или иной группе (к детям референциальным – или экспрессивным, к мальчикам – или девочкам, к детям из семей с высоким – или с низким социокультурным статусом и т.п.), более правильно применять термин «дифференциальные различия» либо «групповые различия».

Однако в данном случае не хотелось бы вступать в дискуссию по поводу целесообразности использования тех или иных терминов или по поводу того, к какой «степени индивидуальности» те или иные «отклонения от среднестатистического» следует относить. Наша задача в данном случае иная: хочется показать, как при перемещении фокуса исследовательского внимания с проблем выявления общих закономерностей на проблемы выяснения вариативности речевого онтогенеза всецело меняется общая «картина». Иными словами, мы попробуем продемонстрировать, что если нечто в детской речи, рассматриваемое без учета вариативности речевого онтогенеза, представляется (образно говоря) зеленым, то при учете этой вариативности оно оказывается вовсе не зеленым, а, например, для одних детей – синим, а для других – желтым и лишь при суммарном механическом «наложении» одного на другое – зеленым (что, естест-

¹ О референциальных / экспрессивных детях подробнее см. [Nelson 1973], [Bates et al 1988], а также [Доброва 2009].

венно, должно весьма существенно повлиять на наши представления о сути рассматриваемого явления).

Исходя из указанной задачи, обратимся к одному из достаточно исследованных в онтолингвистике явлений – детскому окказиональному глагольному словоизменению.

Безусловным авторитетом в изучении глагольных словоизменительных инноваций (равно как, разумеется, и вообще в изучении детской речи) является С.Н. Цейтлин, поэтому обратимся в первую очередь к ее работам, в частности – к последней монографии автора, в которой представлена подробная классификация указанных инноваций [Цейтлин 2009: 245-265].

Заметим сразу, что считаем данную классификацию не только абсолютно верной, но и достаточно исчерпывающей – исчерпывающей, если говорить о собственно лингвистическом подходе к проблеме. Если же говорить о психолингвистическом и социолингвистическом аспекте проблемы, то полагаем, что данная классификация нуждается в определенном дополнении.

Итак, в данной классификации представлены разновидности глагольных словоизменительных инноваций, снабженные в некоторых случаях комментариями автора типа «в абсолютном большинстве случаев прибавляется гласная И...» [Там же: 249], «дети часто образуют...» [Там же: 249], «крайне редко бывают подвержены данной модификации глаголы...» [Там же: 251], «примеры ... чрезвычайно многочисленны» [Там же: 251] и т.д. Такие комментарии призваны, по-видимому, выделять более / менее частотные типы инноваций. Не будем комментировать то обстоятельство, что заявления о частотности / нечастотности типов инноваций приводятся без статистических данных: на основе анализа спонтанной речи (т.е. не по результатам эксперимента) приводить какую-либо статистику вообще крайне сложно. Полагаем, что при том, на сколь обширный материал опирается данный автор, можно не сомневаться, что частотность тех и или иных разновидностей инноваций указана достаточно верно, что, впрочем, не исключает возможности уточнения этих утверждений с помощью количественного анализа материала детской речи.

Однако обсудить, в первую очередь, считаем необходимым другое: для всех ли детей справедлива эта («среднеарифметическая») частотность?

Для проверки поставленного вопроса обратимся сначала к анализу материала спонтанной речи 8 детей: Сони (3;02 – 3;08), Нади (2;05 – 3;4), Ольги (2;04 – 3;00), Наташи (2;07 – 3;02), Михаила (2;06 – 3;02), Леонида (3;00 – 3;08), Алексея (3;00 – 3;08) и Владислава (2;05 – 3;06) – 4 девочек и 4 мальчиков (записи речи Владислава производила А.Л. Владимирова, остальные записи – из Фонда данных кафедры детской речи РГПУ им. А.И. Герцена)².

Обнаруженный в записях спонтанной речи «отрицательный языковой материал» был подразделен на типы инноваций – в соответствии с приведенной выше классификацией С.Н. Цейтлин, но с некоторыми потребовавшимися добавлениями.

В результате анализа было выявлено, что всем 8 детям свойственно делать ошибки, связанные с формообразованием глаголов, кроме того, отмечены случаи полных совпадений у разных детей (например: окказиональные глагольные формы *скакају, *искају, *рисовају).

Вместе с тем выяснилось, что не все дети создают окказиональные глагольные словоизменительные инновации с одинаковой частотой. Наибольшее количество окказиональных глагольных форм встретилось в спонтанной речи Владислава (22) – у остальных детей их оказалось максимум 11. В его же речи (наряду с двумя другими детьми) обнаружилось наибольшее разнообразие типов глагольного словоизменения (7). Можно, конечно, предположить, что эти цифры отражают не более выраженную склонность данного ребенка к окказиональному глагольному словоизменению, а большее внимание матери этого ребенка (фиксировавшей его инновации) к данным окказиональным единицам. Вместе с тем полагаем, что все же приведенные цифры свидетельствуют в пользу того, что склонность к окказиональному глагольному словоизменению – неодинакова у

² В этой части статьи использованы данные анализа спонтанной детской речи и эксперимента из дипломной работы студентки РГПУ им. А.И. Герцена А.Л. Владимировой, написанной и защищенной под руководством автора данного исследования.

разных детей: внимание матери Владислава этот вид инноваций и привлек именно потому, что в его речи их оказалось много.

Самыми распространенными оказались следующие типы глагольных словоизменительных инноваций:

1. Устранение чередований в основе наст./буд. времени (г/ж; д'/ж; с'т'/щ'; к/ч; с'/ш) – **бежат* ('бегут'), **побегим* ('побежим') – в особенности в так называемых разноспрягаемых глаголах. Из восьми детей семеро (87,5%) регулярно допускали ошибки этого типа.

2. Образование основы наст./буд. времени от основы инфинитива с переводом глагола из непродуктивного класса (а/-) в глагол I-го продуктивного класса (а/ај) **искају* ('ищу'), **скакају* ('скачу'). Из восьми детей у шестерых встретились такие инновации (75%)

3. Образование основы инфинитива от основы наст./буд. времени с переводом глагола из непродуктивного класса (а/-) в глагол IV-го (по другим классификациям V-го) продуктивного класса (и/-) – **воз'мить* ('взять'), **обнимить* ('обнять'). Этот тип инноваций обнаружился у пятерых из восьми детей (62,5%).

4. Словоизменение на базе окказионального словообразования, ведущее к созданию форм окказиональных глаголов I-го продуктивного класса (а/ај) – **подбеговају* ('подбегаю'), **украдывајут* ('украдут'). Из восьми детей у пятерых (62,5%) обнаружались такие формы.

5. Использование модели йотовой корреляции: под влиянием основы наст./буд. времени у глагола III-го продуктивного класса (ова(ева)/уј) образуется основа инфинитива глагола непродуктивного (а/ај; е/еј) = у/уј, что является морфологической сверхгенерализацией – **танцуть* ('танцевать'), **рисуть* ('рисовать'). Из восьми детей это встретилось у четверых (50%).

6. Образование основы наст./буд. времени от основы инфинитива с переводом глагола из III-го продуктивного класса (ова(ева)/уј) в глагол I-го продуктивного класса (а/ај) – **рисовају* ('рисую'), **танцевају* ('танцую'). Такие инновации встретились в речи трех детей из восьми (37,5%).

7. Устранение исторических чередований согласных основы («л/ноль звука») – **люб'у* ('люблю'), **сп'у* ('сплю'). Такие инновации встретились также у трех детей из восьми (37,5%).

Таким образом, полученные данные в целом подтверждают имеющиеся в книге С.Н. Цейтлин указания на частотность / нечастотность тех или иных разновидностей глагольных словоизменительных окказионализмов: в особенности это касается пунктов 2 и 3. Интересно, что достаточно частотными (встретившимися в спонтанной речи половины детей) оказались морфологические сверхгенерализации типа *рисуть (в рассматриваемой классификации об их частотности ничего не говорится; оказывается, они встречаются достаточно часто). Вместе с тем не можем не отметить, что, согласно полученным данным, частотность образования закрытой основы от открытой за счет прибавления *j* оказалась неодинаковой в отношении глаголов III продуктивного класса (III-го – в традиционной классификации, например, А.Н. Гвоздева) и непродуктивных глаголов: получилось, что дети в два раза чаще образуют формы типа *искаю, чем *рисоваю (до сих пор, насколько нам известно, такие словоизменительные инновации в детской речи считались равновероятными). Впрочем, никак не претендуем на универсальность полученных результатов: 8 детей, естественно, – не репрезентативная группа.

Однако более интересным в данном случае нам представляется анализ исследуемых окказионализмов с учетом вариативности речевого онтогенеза. Так, мы поставили перед собой вопрос: не существует ли различий в «предпочтениях» тех или иных разновидностей глагольных словоизменительных окказионализмов у разных детей – с учетом, например, гендерного фактора.

Результаты оказались крайне любопытными.

Итак, самым распространенным типом окказионального глагольного словоизменения, свойственным большинству обследованных детей, оказалось (вполне ожидаемо) образование глаголов I-го продуктивного класса (а/а₁) – как вместо узуальных непродуктивных глаголов (а/-), так и вместо глаголов III-го продуктивного класса (ова(ева)/у₁), а также путем формообразования на базе окказионального словообразования. Однако обнаружилось, что количество таких инноваций у мальчиков и девочек неодинаково: у девочек таких окказионализмов – 13, а у мальчиков – 20, т.е. заметно больше.

Обнаружилось также, что у девочек несколько чаще, чем у мальчиков встречаются ошибки, связанные с образованием окказиональных глаголов с соотношением основ и/-: таких инноваций – 6 у девочек и 4 – у мальчиков.

Разумеется, полученные цифры – невелики сами по себе, а во втором случае и разница не очень существенна, поэтому было решено проверить, существуют ли на самом деле наметившиеся различия, с помощью эксперимента.

Исследование проводилось в ГДОУ № 4 Выборгского района г.Санкт-Петербурга. В эксперименте принимало участие 20 детей в возрасте от 2-х лет 7-ми месяцев до 3-х лет 6-ти месяцев – 10 мальчиков и 10 девочек. Был разработан эксперимент, позволяющий проверить наличие/отсутствие словоизменительных глагольных инноваций у детей 3-х летнего возраста. Эксперимент проводился в игровой форме с использованием игровых персонажей (Мишутки и Незнайки). В эксперимент были включены те типы словоизменительных инноваций, которые оказались наиболее частотными в спонтанной речи 8-ми исследованных нами ранее детей. Вопросы для диалога составлены таким образом, чтобы ребёнок произнес какую-то глагольную форму – узуальную или окказиональную, например: «Мишутка любит танцевать. Что сейчас делает Мишутка? – *Танцует / *танцевајет*».

Остановимся лишь на тех результатах эксперимента, которые касаются проверки справедливости выдвинутой ранее гипотезы о наличии гендерных различий в склонности к различным разновидностям окказионального глагольного словоизменения.

Более чем очевидно подтвердился наш первоначальный сделанный на основе анализа спонтанной речи детей вывод о большей склонности к образованию закрытой основы от открытой, заканчивающейся на –А, путем прибавления j. Если у мальчиков выявилась отчётливая склонность «переводить» и непродуктивные глаголы, и глаголы III-го продуктивного класса в I-ый класс (28% + 22% = 50% в сумме), то у девочек эта склонность (традиционно считающаяся характерной для всех детей) обнаружена в значительно меньшей степени (4% + 12% = 16% в сумме). В абсолютном выражении разница тоже весьма заметна: 28 таких примеров у мальчиков и лишь 7 у девочек.

Подтвердились и данные о том, что для девочек более характерно, чем для мальчиков, образование основы инфинитива от основы наст./буд. времени с изменением соотношения финалей глагольных основ с а/- на и/-: у девочек этот тип инноваций составил 17% от общего числа, у мальчиков – лишь 8%.

Разумеется, мы не настаиваем на безусловной истинности полученных результатов: 20 детей – не так много, чтобы что-то утверждать наверняка. Более существенным представляется самый факт фиксации значительных различий у разных групп детей.

Эксперимент продемонстрировал и другие гендерные различия в глагольном словоизменении: например, у девочек обнаружилось больше разновидностей исследуемых окказионализмов. Однако для данной темы важным представляется другое: эксперимент наглядно показал, что, если какой-то факт речевого онтогенеза «в среднем» характерен для детей определенного возраста, это еще вовсе не означает, что он характерен для всех детей. При этом речь идет не просто о каких-то собственно индивидуальных, «уникальных» (свойственных именно данному конкретному ребенку) различиях. По-видимому, вариативность речевого онтогенеза имеет системный характер. А если сказанное справедливо, это означает, что нельзя не учитывать указанную системность при разработке «нормативов», норм, диагностик, а также организации педагогической работы. О многом ли говорит «средняя температура по больнице»? Представляется, что онтолингвистам давно пора вплотную заняться проблемой вариативности речевого онтогенеза – во всем ее многообразии, и тогда известные и, казалось бы, уже решенные проблемы придется решать по-новому.

Литература

Базжина Т.В. Голофразис как начальный этап формирования структуры высказывания // *Детская речь: Проблемы и наблюдения.* Л., 1989.

Гвоздев А.Н. Вопросы изучения детской речи. – М., 1961.

Доброва Г.Р. О некоторых аспектах усвоения лексической семантики детьми 3-6 лет: влияние «нового знания» на речевое поведение // *Проблемы социо- и психолнгвистики.* Вып. 10. Возраст как фактор речевого поведения. Пермь, 2007.

Доброва Г.Р. О вариативности речевого онтогенеза: референциальная и экспрессивная стратегия освоения языка // Вопросы психолингвистики, 2009 – №9.

Еливанова В.А. Двухкомпонентные высказывания как этап становления грамматической системы языка ребенка раннего возраста. Автореф. дисс. ... канд. филол. наук. – СПб., 2004.

Касевич В.Б. Онтолингвистика как центральный раздел языкознания // Проблемы онтолингвистики-2009: материалы международной конференции (17-19 июня 2009 г., Санкт-Петербург). – СПб., 2009.

Лепская Н.И. Онтогенез речевой коммуникации). Автореф. дисс. ... д-ра филол. наук. – М., 1989.

Овчинникова И.Г. Вариативность повествования в зависимости от нейропсихологических особенностей ребенка // Проблемы социо- и психолингвистики. Вып. 6. Вариативность речевого онтогенеза. – Пермь, 2004.

Проблемы социо- и психолингвистики. Вып. 6. Вариативность речевого онтогенеза. – Пермь, 2004.

Цейтлин С.Н. Детская речь: инновации формообразования и словообразования (на материале современного русского языка). Автореф. дисс. ... д-ра филол. наук. – Л, 1989.

Цейтлин С.Н. Очерки по словообразованию и формообразованию в детской речи. – М., 2009.

Чуковский К.И. От двух до пяти. – М., 1955.

Шахнарович А.М. Семантика детской речи: психолингвистический аспект. Автореф. дисс. ... д-ра филол. наук. – М., 1985.

Юрьева Н.М. Функционирование производного слова в онтогенезе. . Автореф. дисс. ... канд. филол. наук. – М., 1983.

Bates E., Bretherton I., Snyder L. From first words to grammar. Individual differences and dissociable mechanisms. – Cambridge, 1988.

Nelson K. Structure and strategy in learning to talk // Monographs of the society for research in child development. Serial № 149, vol. 38, № 3–4, 1973.

©Доброва Г.Р., 2011